

A dirt road with tire tracks leads towards a bright sunset. The sun is low on the horizon, creating a golden glow and casting long shadows. The sky is filled with scattered clouds, some of which are illuminated by the setting sun. The foreground shows the texture of the dirt road and some green grass on the sides.

Лилия Селяева

ЖИЗНЬ

Лилия Сергеевна Селяева

ЖИЗНЬ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24505769

Аннотация

В книге собраны рассказы о жизни простых людей, которые так похожи на каждого из нас. Порой они сталкиваются с ситуациями, которые заставляют сделать выбор и понять, кто они есть на самом деле. Герои рассказов рассуждают над вопросами морали, религии, понимания себя и своих поступков. Жизненный выбор героев меняет их мировоззрение, заставляет увидеть самые важные ценности этой жизни.

«ТОЛПА ОДИНОЧЕСТВА»

«Иду я, объятый тоской безотрадной;
Ни звука, ни света... везде тишина,
Грусть сердце сосет и язвит беспощадно,
И грудь моя ноет, сомненья полна.

Ночь черною тучей висит надо мною
И ум мой пугает своей темнотою;
Мне страшно дорогой идти одному;
Я щупаю землю и, взор напрягая,
Смотрю: не блестит ли звезда золотая, -
Но вижу одну безотрадную тьму.

Как путник в степи необъятной, безводной
Страдает и жаждет источник найти,
Я жажду найти огонек путеводный
На этом пустынном и трудном пути».
Суриков И.З.

Наше время – мирное время. Войны, революции, неизлечимые болезни – все это осталось за гранью нашей реальности. Частная собственность, свобода слова, право выбора государственной власти даровали нам ощущение свободы, ощущение собственной значимости. У нас не осталось проблем. Наступила утопия. Время идеального государства.

Политика управляет умами, вынося на поверхность вывернутые наизнанку события, и человек оказывается в зоне конформизма, порой даже не вникая в суть происходящего. Некоторые напротив проявляют агрессию, но институт власти подавляет и устраняет вредную для государства опухоль.

Человек остался в неведении от происходящего. На экранах телевизоров войны в Сирии, Египте, тайная политика США против других государств, но наше государство идеально и в нем, кажется, царит гармония. Не правда ли?

Но речь вовсе не о власти. Речь о человеке. Человек стал ведомым властью. Боязнь нищеты, страсть к деньгам и роскоши вытравили из него все живое, и он забыл о взаимопонимании, помощи, прощении. В своих стремлениях он оказался одиноким, одиноким среди таких же одиноких людей. Быть может, это девятый грех человечества?

I

Я сидела у окна и смотрела, как с хмурого серого неба падал снег. Он ложился на нетронутую поверхность и укрывал белоснежным покрывалом деревья, дороги, крыши домов и все, что оказалось в его власти под открытым небом. Все, казалось, замерло в своем движении, на улице не было ни души, и это таило ощущение утраты чего-то важного.

В квартире отключили электричество, и когда на улице стало темнеть, комната погрузилась во мрак. Мой покой нарушало лишь тиканье настенных часов, и, обернувшись, я

увидела, что было почти девять вечера.

Зазвонил телефон. Я знала, что он зазвонит. Сейчас мне казалось, что весь день я именно этого и ждала, но верить этому не хотела.

– Привет... – произнес тихий мужской голос – чем ты занимаешься?

– Мне на секунду показалось, что ты уже не позвонишь... – ответила я.

– Как я мог не позвонить?! – спросил он, удивляясь – мы сегодня встретимся?

– Ну конечно. Я ведь и дня не выдержу без бесед с тобой! – сказала я, и почувствовала, как легко стало на душе.

– Я к десяти подъеду? Удобно?

– Да. – ответила я и повесила трубку.

Это был Дима. Мой лучший друг. Когда я поступила в медицинский институт в Санкт-Петербурге, мне пришлось уехать из Архангельска и самой приспособиться к жизни в большом городе. В институте со мной мало кто общался, и я стала белым пятном, портящим картину сплоченного коллектива. Единственным утешением стала моя соседка по съемной квартире. Мы познакомились еще в поезде, и оказалось, что она тоже ехала сдавать документы, правда в другой вуз. Мы решили вместе снимать квартиру.

Несколько недель спустя, к нам перевелся студент с факультета педиатрии. Лечебное дело открывало для него более широкие возможности для будущей деятельности, тем

более его отец имел связи в этой сфере и был владельцем сети аптек и нескольких фармацевтических лабораторий.

Мы познакомились, когда ждали преподавателя, стоя у двери аудитории. Я стояла одна, вдали от столпившихся студентов. Он почему-то сразу подошел ко мне. Я перечитывала лекцию, а мой взгляд был устремлен в тетрадь, когда я услышала, как мне задают вопрос. Я вздрогнула от неожиданности и увидела перед собой парня в рваных джинсах, толстовке и рюкзаком на плече.

– Что простите? – проямлила я – я просто не слышала... вы ко мне обращались?

– Я спрашиваю это сто пятьдесят первый кабинет? – спросил он еще раз, указывая на дверь без номера и столпившихся рядом студентов.

– Да, это сто пятьдесят первый кабинет – ответила я и стала судорожно поправлять волосы.

– Меня кстати Дима зовут. – сказал он.

– Хорошо... – сказала я и убрала лекции в сумку.

Он посмотрел на меня странным взглядом и сказал, усмехаясь:

– Вообще-то, данное утверждение требует, что твой собеседник сообщит тебе и свое имя тоже.

– Аня. Меня зовут Аня.

– Очень приятно Аня.

Я вспоминала этот момент, стоя в темной комнате у телефона. Прошло пять лет с тех пор, но казалось, что мы зна-

ем друг друга целую вечность. Мы стали не только верными друзьями, но и нашли друг в друге начало самих себя. Мы говорил обо всем, что только может быть на свете. Иногда мы подолгу просиживали в парке, ища в темном небе созвездия, иногда часами сидели в баре, рассказывая фантастические истории о дальних путешествиях, Симбаде-мореходе, о затерянных кораблях и пропавших моряках. Иногда мы обсуждали проблемы людей, судьбу литературных героев и многое другое. Помню, как в нашем воображении воскрес Остап Бендер, и мы придумали оригинальную концовку книги. Остап Бендер и Ипполит Матвеевич все же нашли сокровища Петуховой, но Ипполит Матвеевич, одержимый манией сверхприбыльного проекта, убил Остапа Бендера и инвестировал деньги, от продажи сокровищ, на покупку акций нефтяного конгломерата, которые, в последствии, упали в цене. В итоге Ипполит Матвеевич повесился. Мы так были увлечены нашими мыслями, что обратили на себя внимание полицейского, проезжавшего мимо, когда шли на красный свет. По иронии судьбы, наши паспорта оказались дома, и целую ночь, мы просидели в изоляторе для несовершеннолетних, хотя нам тогда было по двадцать лет.

Порой казалось, что Дима единственный родной человек в моей жизни. Мама изредка звонила мне, расспрашивала о моих делах, но по ее голосу было понятно, что она лишь утешает свою совесть. В итоге она совсем перестала мне звонить, а потом перестала посылать и деньги. Я стала рабо-

тать официанткой. Дима был обеспокоен, ведь учеба в медицинском институте требовала больше времени, нежели любая другая специальность. Дима предложил финансовую помощь, но я отказалась. В итоге он тоже устроился официантом в то же самое кафе и таким же графиком работы. Я долго упрекала его за это, говорила, что его возможности позволяют ему не работать, а учиться, но это было бесполезно.

В десять часов я спустилась по лестнице и вышла из подъезда. Снегопад, оставивший после себя непроходимые сугробы, прекратился. На улице стояла приятная морозная свежесть. Димина машина была уже у моего дома, и он, заметив меня, замахал руками, завлекая во внутрь. Я быстро села в машину. Почти целую минуту мы смотрели друг на друга, а потом стали громко смеяться.

– Тебе, как врачу психиатру, пора бы знать, что заторможенность в понимании происходящей действительности – причина слабоумия – начал говорить Дима.

– Такому пациенту требуется срочная госпитализация? – спросила я, задыхаясь от смеха.

– Ну конечно! Здесь не только заторможенность в развитии, здесь, ко всему прочему, неадекватная реакция на происходящие события – смех без причины.

– Значит ты – сумасшедший. – сказала я.

– Нет, нет, нет! Ты себя тоже не исключай! – ответил он и посмотрел мне в глаза. Затем его улыбка медленно сползла с лица. Он держался за руль и его неподвижный взгляд гово-

рил о беспокойстве. – мне нужно тебе кое-что сказать...

– Говори... – ответила я.

– Поехали на дворцовую набережную? – спросил он оживившись.

– Вперед капитан. – ответила я.

Он выжал сцепление, переключился на первую передачу и тронувшись мы двинулись на встречу ночному городу.

Мы оставили машину у главного входа на Дворцовую площадь, пересекли ее и вышли к Неве.

Какое-то время мы шли молча, но никто из нас не чувствовал вины за отсутствие слов. Это было приятное молчание, и неловкости здесь места не было.

– Думаешь, одиночество убивает людей? – спросил Дима и остановился, вглядываясь вдаль мерцающих огней на другом берегу Невы.

– Не знаю. Надеюсь, мне не придется искать ответ на этот вопрос – ответила я.

– Помнишь у Ремарка «Три товарища»?

– Конечно.

– Как жаль, что никогда не прочтешь продолжения. Мне бы очень хотелось знать, как Роберт справился, когда Пат ушла...

– Он видел десятки смертей.

– Но ведь это смерть в отсутствии войны. Это другое... –

сказал Дима и, обхватив шею руками, устремил свой взгляд в темную бездну реки.

– Не в этом вовсе суть... – немного помедлив, ответила я.

– А в чем же?

– Он не был одинок. Этот роман не только о любви, понимаешь? Ведь, несмотря на тяжелые потрясения в жизни, у Роберта остался Кестер, его верный товарищ, а между ними было самое главное – понимание. А понимать, значит не быть одиноким.

– А между нами есть понимание? – неожиданно для меня спросил Дима.

Я не узнавала своего друга. Его лицо приобрело незнакомые мне черты, а в словах не было ни капли иронии.

Я замешкалась, но нужные слова сами пришли мне в голову.

– Я думаю, что да... иначе, я бы знала ответ на твой первый вопрос.

Он посмотрел на меня с горечью в глазах, как-будто узнал самую дорогую, но одновременно самую недоступную для него правду.

– Я думаю, когда люди теряют друг друга, не по причине смерти, а по причине неких обстоятельств, это равнозначно ей – говорил Дима.

– Даже хуже – продолжила я – ведь ты идешь на поводу этих обстоятельств... они не ставят точку, в отличие от смерти, а ты все равно идешь...

– Я должен уехать – перебил меня Дима.

Мое дыхание замерло.

– Я должен уехать – повторил он со вздохом – отец договорился на счет моей интернатуры в Бостоне. Там отличная клиника, опытные хирурги. Вот такие обстоятельства. Я знал об этом, но боялся сказать, ведь ты останешься здесь одна...

Я не знала, что сказать. В горле застрял ком, мне стало не по себе. Однажды, на выставке репродукций Ван Гога, я увидела картину «Звездная ночь над Роной». Сегодняшний вечер напомнил мне эту картину, но, как и тогда, мне стало жутко. Казалось, этой ночи не было предела, казалось, в ней тонут воспоминания и время, и ты сам оказывался потерянным в ее бесконечных просторах.

– Это весомые обстоятельства... – все слова, которые я смогла найти.

– Но ведь ты сама говорила, что мы идем на поводу обстоятельств! Значит, их нужно обойти...

– Для кого?

– Для тебя.

Возникла пауза.

– Это смешно. Я не значу так много, чтобы выкидывать такой шанс. Остаются по причине родственных связей, любви, в конце концов, но не по причине дружбы... Боже, твой алармистский подход меня пугает – смеясь, ответила я, пытаюсь снять напряженность, повисшую в воздухе – такому событию нужно радоваться. Неужели ты ждал от меня другого

ответа?

– При чем тут родственные связи? Любовь? Любовь может обойтись без взаимности, но дружба никогда...

– Омар Хайям?

Дима усмехнулся.

– По-моему, причина взаимного понимания между людьми важнее, чем жалкие ужимки любви, которые мы привыкли обоготворять. Мы думаем, что любовь – целое двух составляющих, но разве это так? Физическое всегда вытисняет идеал, который скрупулезно собираешь по мелким частицам. Это как история, которую приходится переосмысливать с каждым новым открытием, с каждой новой раскопкой... и все что мы знали раньше, уже проявляется нам в другом свете... идеал – это то, чего не достичь, но именно это заставляет нас двигаться...

– Зачем столько философии? – осмелилась спросить я – нужно жить проще, стоит ли то, чего не изменишь стольких дум? Завтра будет завтра, а сегодня еще сегодня.

«Боюсь, что в этот мир мы вновь не попадем,

И там своих друзей – за гробом – не найдем.

Давайте ж пировать в сей миг, пока мы живы.

Быть может, миг пройдет – мы все на век уйдем»

– Омар Хайям? – спросил Дима.

Я не ответила.

Мы еще долго гуляли, катались на машине по ночному городу, и в итоге встретили рассвет на Финском заливе с бу-

тылкой вина. Это был один из лучших дней, который так быстро закончился. Я не стала показывать своего подавленного настроения, не хотела, чтобы он уезжал с чувством вины, но все это время я ощущала приближение серых дней, которые мне предстоит провести в толпе одиночества.

II

Июнь наступил неожиданно. Теперь дождливые серые дни стали чередоваться с солнечными часами наступающего лета, и это заставляло снова жить.

После отъезда Димы прошло четыре месяца, но я, полностью погрузившись в учебу, смогла отвлечься от мыслей своего странного существования.

Как-то после лекций я подошла в деканат лечебного факультета, чтобы узнать предложения о работе в интернатуре. Я прошла по пустующему коридору, стены которого были свежеевыкрашенны светло зеленой краской и, остановившись у двери деканата, постучала. Никто не ответил, секретаря не было на месте. Я прошла к двери кабинета декана, постучалась, и, услышав, долгожданное «войдите» зашла в светлую обитель вершителя судеб. Мне не нравилось здесь бывать. Наш декан была женщина с принципами, и могла устроить в очень престижное место, за коробку конфет или несколько любезностей, сказанных в ее адрес. Слухов о деньгах в конверте, конечно, не водилось, но комплименты и обходительность имели место быть. На новый год или свой день

рождения, она составляла списки подарков, которые должна получить от группы студентов и отдавала эти списки старостам групп. В списки входили в основном предметы бытовой техники, такие как миксер, блендер, мультиварка, пылесос, фотоаппарат и многое другое. Получив заветный подарок, она ставила галочку в своем ежедневнике, напротив номера группы.

Это была грузная женщина, лет сорока пяти, с убранными в пучок волосами и узкими глазами, смотревшими сквозь стекла круглых очков. Она восседала за столом, когда я вошла.

– Добрый день Ольга Юрьевна, можно? – любезно спросила я.

Она взглянула на меня, слегка спустив очки на нос, и ответила:

– Заходите, по какому вопросу?

– Ольга Юрьевна...я на счет распределения мест в интернатуру. Есть вероятность, что место предоставят? Или лучше уже самой подыскивать?

– Еще диплом не получила, а уже место захотела...– язвительно ответила она.

– Извините за беспокойство...– сказала я и направилась к двери.

– Стой. Как фамилия?

– Савинская.

– Вот что, Савинская. Возьми деньги...возьми, возьми...–

протянув мне руку, говорила она – сходи в буфет и купи мне что-нибудь перекусить, а потом поговорим.

Я взяла деньги и вышла из кабинета. Мне стало до жути противно, хотелось швырнуть ей в лицо эти жалкие бумажки, но о какой гордости здесь могла идти речь. Все начинают с низов – главный аргумент, который можно было дать.

Сходив в буфет, я опять поднялась на третий этаж в кабинет декана. Секретаря все не было.

– Можно войти? – опять спросила я.

– Заходи...купила?

– Пожалуйста – ответила я и отдала ей пару пирожков в пакете.

Я стояла возле стола и смотрела, как она достает пирожок и с жадностью откусывает огромный кусок.

– Я тут взглянула – стала говорить она, причмокивая – конечно, мест мало...Большинство распределены для самых активных наших студентов, но есть одно место, куда могу тебя порекомендовать. Ты же у нас по специальности психиатрия? Я правильно понимаю?

«Знала я ваших активных студентов – думала я – выписку из приказа ректора для направления в интернатуру на вакантное место получают активные благотворители по улучшению условий обучения в вузе».

– Да, психиатрия, все точно – ответила я.

– Есть тут одна деревенька в Карелии – начала она – так при въезде туда находится психиатрическая лечебница. В

деревне найдешь жилье, думаю, это не проблема... интерна-
тура, потом ординатура, а потом и молодой специалист. В
деревнях врачей мало, потом государство квартиру выде-
лит... ну как? Устраивает?

– В деревню? – переспросила я.

– Многие уезжают и хорошо устраиваются. Других вари-
антов у меня для тебя нет.

– А в Санкт-Петербурге нет мест? – спросила я, хватаясь
за последнюю надежду.

– Дорогая моя, эти места давно распределены. Есть сту-
денты, которые действительно этого заслуживают. Их успе-
ваемость говорит об этом.

– Но по успеваемости у меня все хорошо.

– Есть более активные студенты значит.

– А в чем же заключается эта активность? – вырвалось у
меня.

Она слегка покраснела, поправила волосы и, улыбнув-
шись, произнесла:

– Нужно было лучше учиться Савинская. Если вам не да-
ли хорошего места, значит, есть студенты с более высокими
показателями. Вы должны благодарить меня за то, что я тра-
чу на вас свое время. Хотите, ищите сами место.

Спорить было бессмысленно. Да и кто бы меня взял без
рекомендаций.

– Хорошо... у меня выбора нет...

III

Сентябрь. Утро. На улице дождь. Я не хочу вставать с постели. Сегодня день моего отъезда на практику, и я должна освободить квартиру. Из моих вещей лишь старый чемодан, стоящий у двери, отчего кажется, что я здесь и не жила. Я смотрю на часы – почти десять. Хозяйка квартиры должна прийти к одиннадцати, поэтому я заставляю себя встать с постели.

Я собираю постель и иду на кухню. В холодильнике пусто. Я достаю пакетик чая и две завалывшиеся в сумке конфеты. Одиннадцать. Звонок в дверь. На пороге хозяйка.

– Утро доброе... – произносит она равнодушно и проходит в обуви в квартиру.

– Доброе утро – также равнодушно отвечаю я и протягиваю ей связку ключей.

Она смотрит на меня, но ключей не берет.

– Сначала все осмотрю на предмет порчи имущества, а потом можешь идти на все четыре стороны.

Хозяйка квартиры была из рода тех людей, для которых деньги заменили и хлеб, и соль, и сон, и воздух. Она считала каждую копейку и на всем старалась нажиться. Иногда она доходила до крайностей. Как-то раз, вернувшись с лекций, я застала ее за чашечкой чая на кухне. Заметив меня, она открыла сервант и спросила:

– Что это?

– Где? – не поняв ее, спросила я.

– Хватит прикидываться! Где шестая чашка из серванта?!

Немного оторопев, я ответила:

– Я не брала вашей чашки. Я вообще сервант не открываю...

– Ну, ну... как же... она наверно сама, в воздухе растворилась. Если ты ее разбила, ты должна возместить ущерб! Сейчас!

Квартира мне была нужна, и я решила заплатить за пропавшую не по моей вине чашку, лишь бы остаться здесь до конца сессии. Я вышла в коридор, чтобы взять кошелек, но внезапно увидела чашку, стоящую на столе. Оказалось, что хозяйка пила из нее свой чай.

На этот раз все оказалось в полном порядке и я, взяв свой чемодан, отправилась на вокзал.

На вокзале было безлюдно. Человек пять расположились в разных углах вокзала, ожидая своего рейса. Я сбросила сумку с плеча, села на сиденье и достала телефон. До прибытия автобуса оставался час.

В автобусе тоже было пусто. Пару человек на задних сидениях крепко спали. Помимо них, меня и водителя здесь больше никого не было. За окном шел дождь. Мои глаза наполнились слезами, но я пыталась их сдержать. Какое-то время я старалась занять себя размышлениями о родных, старых друзьях, но все время приходила к одному и тому

же ощущению равнодушия. Я поняла, что вот оно – самое страшное ощущение, которое можно было испытать. Мне было все равно. Все равно, что было, все равно, что есть, все равно, что будет. Мне даже стало безразлично мое одиночество. Кто был в этом виноват? Быть может я? Винить других – это бессмысленно и глупо. Но и эти другие, разве они не стали такими же? Они тоже не виноваты. Они просто вынуждены быть такими. Они вынуждены придавать, чтобы получить повышение по службе, они вынуждены льстить, чтобы угодить высокопоставленному чиновнику, они вынуждены быть алчными, чтобы урвать кусок хлеба. Они впадают в уныние, но при этом им становится лень добиваться большего, они завидуют, но при этом гордятся тем, чего у них нет, они становятся равнодушными, если кто-то просит о помощи и мстительными, если кто-то не смог помочь им самим. Наверно и я из их числа. Мы оттолкнули друг друга, продав себя обстоятельствам, но мы не могли иначе. То, что у нас есть – мы сами, и самое большое счастье для нас – это человек, который держит нас за руку, когда мы становимся никем.

Я почувствовала, как мои веки становятся свинцовыми. Все стало расплываться перед моими глазами, и я окончательно погрузилась в сон.

– Девушка...девушка! – послышался мужской голос. Я открыла глаза и увидела водителя – приехали уже, в поселок

то!

– Извините, я уснула...сейчас выйду...– я стала быстро надевать куртку.

– Да чего уж там – сказал он, посмеиваясь – мне то все равно, сидите, не жалко. Вашего времени жаль.

– Спасибо – сказала я и вышла из автобуса.

До чего было внезапным мое удивление, когда вместе холода и дождя на меня повеял теплый ветер. Было семь часов утра и солнце только всходило. Я никогда не видела такой восхитительной зари. Солнце казалось, пронизывало своими еще оранжевыми лучами. На улице не были ни души.

– Может вам что подсказать? – спросил водитель, выходя из автобуса – люблю этот поселок, здесь какая-то атмосфера не такая, как везде, уютно здесь.

– Я думала здесь тоже дождливо...

– Не поверите, какой раз сюда езжу, ни разу плохой погоды не видывал! – ответил водитель.

– Извините, а вы не знаете, здесь есть что-то вроде гостиницы? Может, сдаст кто комнату? – с надеждой спросила я.

– На счет гостиниц не знаю...но я тут однажды комнату снимал на 2 дня...а вам зачем?

– У меня интернатура в психиатрической больнице – ответила я – нужно где – то жить...

– А...понятно...ну ты походи, посмотри, поспрашивай...многим лишний доход не помешает...только дождись десяти утра хотя бы, а то в семь часов одни рыбаки с постели

встают! Рыба для рыбака – самый главный промысел! Нормальные люди еще спят.

– А рыбаки ненормальные? – спросила я.

– Эти то?! Нет, эти ненормальные. Встанут спозаранку и идут ловить свое сокровище! Я эту деревеньку хорошо знаю, у этих рыбаков некое соревнование между собой. Наловят, меряют, чья щука больше весит, а потом ходят, гордятся! А женам их чисти потом эту рыбеху, ведь помимо щуки то еще мелкая рыба есть, а с ней замучаешься!

Я простилась с водителем автобуса и пошла прогуляться по деревне. Я прошла немного вдоль трассы, а затем свернула на дорогу, ведущую в деревню. Несколько поселковых магазинов были еще закрыты. Они стояли рядом и составляли главную продовольственную нишу поселка. Это было понятно, ведь многие жители поселка сами выращивали овощи, разводили кур и коров. С левой стороны от магазинов располагалось огромное здание, на котором громоздилась вывеска: «Досуговый центр поселка Матросы». Я пошла дальше. Через сто метров передо мной раскинулось огромное озеро и много маленьких домиков по берегу. Я спустилась к одному из пирсов, села на него, и опустила ноги в воду. Был сентябрь, но вода была по-летнему теплая. Я посмотрела на часы. Было восемь. В дали озера маячила лодка. Она понемногу приближалась в направлении пирса, где я расположилась, а человек на веслах усиленно греб. Через пять минут лодка приблизилась к пирсу. Из нее вылез пожилой человек.

Он не обращал на меня внимания, пока я сама не решила заговорить с ним.

– Простите, вы не подскажите, кто в деревне может сдать комнату?

– Что? – спросил он, оглянувшись на меня.

– Я спрашиваю, не сдаете ли вы случайно комнату в своем доме?

– А что хотите то?

– Мне нужно где-то остановиться и я, естественно платно, хочу поселиться у кого-нибудь в деревне, если такая возможность есть, конечно – попыталась я внятно объяснить.

– Понятно... – ответил мой новоиспеченный знакомый и, взяв корзину с рыбой, направился к дому, стоявшему недалеко от пирса.

– Так вы мне ответите? – крикнула я вслед, удивившись его беспардонности.

Он повернулся ко мне и ответил:

– А я не сказал разве? Если хотите, можете у меня пожить.

В доме рыбака было очень уютно. Он указал мне на комнату, а сам пошел на улицу. Комната была просто обставлена: кровать, пару стульев и тумбочка. На одном из стульев лежало аккуратно сложенное постельное белье, а на тумбочке стояла ваза со свежими ромашками. «Рука женщины присутствует» подумала я. Я поставила чемодан и тоже вышла из дома. Рыбак распутывал сети.

– Я так и не узнала, кому обязана таким гостеприимством

– начала я беседу – как можно к вам обращаться?

– Михаил Андреевич – был краткий ответ.

– У вас очень уютно в доме, ваша жена наверно отсутствует, я бы хотела...

– Нет у меня жены! – крикнул он, схватил сети и быстрым шагом направился к пирсу. Я побежала за ним. Он сел в лодку и стал распутывать сети там. Я подошла к пирсу.

– Извините, я всегда говорю лишнее, опять сказала какую-то глупость – сказала я.

– Это ты меня прости, уже на людей бросаюсь. Одиночество доводит.

Я села на пирс.

– Моя жена умерла три года назад – начал он рассказывать, теребя в руках кусок рыбной сети – и все пошло не так. Мы были счастливы, хоть и не было у нас золотых гор, дворцов, квартир. Маленький домик в маленьком поселке, в котором всегда пахло смолой и березовыми вениками, любимая жена, взрослая дочь, которая каждые выходные из города со своей семьей приезжала. Это был маленький, уютный мир, вдали от шумного города, среди бескрайних полей, лесов и озер. Когда Маша умерла, то все изменилось. Она простудилась, а так как иммунитет был слабый, то воспаление легких стало неудивительным результатом. Месяц в городской больнице пролежала. Я все там сидел днями и ночами, а она все меня прогоняла, мол, уезжай, не хочу, чтобы ты меня в таком состоянии видел. Я все потом вспоминал, как

она была красива. Ей было 50 лет, когда она умерла, но даже тогда, она оставалась для меня самой красивой и стойкой женщиной. Ни разу она не сказала, что у нее что-то болит, но до последнего беспокоилась обо мне. Михаил Андреевич закрыл лицо руками и затрясся. Он глубоко вздыхал и всхлипывал носом. Я поняла, что он плакал. Я всегда знала, что если плачет мужчина, то ему по-настоящему тяжело. Я не знала, что сказать. Я сидела и слушала, как он плачет.

– Но не это самое страшное – продолжил он погодя – дочь ни разу не пришла в больницу, а на похоронах пробыла всего пол часа, положила цветы, сказала, что ей очень жаль и ушла. Она была у меня год назад. Но не потому, что меня увидеть хотела, чтобы внука на пару дней оставить. Некому было присмотреть. То белье на стуле – это для нее. Думал вдруг приедет когда-нибудь. Год прошел, а я все жду и жду. Наверно нет смысла.

– А почему вам не позвонить ей? – спросила я.

– Да на что я ей нужен? Умру, не заметит. Никто не заметит. Она красивая, статная. Директор компании строительной фирмы, а муж ее учредитель этой компании. Меня она стесняется. Когда я ей звонил, она сказала, что не может говорить, сказала позвонить через пару дней, но потом трубку не взяла. Но ты не думай, я обиды на нее не держу... сил нет обижаться. Не думал я, что так у меня все сложится, под конец жизни то... остался один, совсем один.

– Я тоже одна... – призналась я – отца нет, матери все рав-

но... у нее другая семья, пару звонков за полгода – и то хорошо. Единственный близкий человек, мой друг, уехал учиться за границу. Конечно, я поддержала его в этом, но внутри все сжималось, хотя кто он мне... просто друг, но друг, ставший единственным человеком во всем мире, чье присутствие зарождало желание жить, а не проживать. А сейчас я считаю минуты, смотрю на часы, и жду, когда они пройдут. Жду следующего часа, жду вечера, жду утро, а потом опять жду вечера. Разве это жизнь?

– Не думаю... – ответил он.

– Знаете, наверно я даже не представляю, что такое война, раз думаю об этом, но если бы пришлось выбирать, то я бы лучше жила в то время. Может быть тогда, в моей жизни был хотя бы какой-то смысл. Это глупо конечно, можете не говорить.

Мы еще долго так сидели, но какая нам разница, мы могли бы сидеть и вечность. Все равно бы никто не пришел, нам некого было ждать и время для нас не играло важной роли.

Там, в городских трущобах, люди бегут, спешат, торопятся куда-то. А здесь тихо, тишина. Почему люди, как природа, не могут выслушивать и молчать? Просто, как эта природа, выслушивать и молчать в ответ? Мы сидели и молчали, слушали, как ветер колышет листья, как поют птицы, как где-то вдали шумят бурлящие пороги, обрушиваясь небольшими волнами на препятствующие их потоку камни.

IV

Психиатрическая больница номер семь. В кабинете главного врача пахнет спиртным. Я сижу на стуле и держу свое направление. «Мария Александровна – главный врач» красуется имя на бэйдже.

– Ну и куда прикажете вас поместить? – спросила она, разглядывая мое направление.

– Я могу в любом отделении поработать – ответила я, пытаясь ей понравиться.

– Так ладно, идите в отдел кадров, отдайте там свое направление, потом пойдете в отделение психотического эпизода. Старшая медсестра вам все расскажет, покажет. Ступайте.

– Отделение психотического эпизода? Но я не планировала работать с больными шизофренией... я только....

– Какой из вас тогда будущий врач? – перебила она меня резко.

Я вышла из кабинета.

«Отделение психотического эпизода» – подумала я – «Только этого мне так не хватало».

Я зашла в отделение. Старшая медсестра дала мне халат и попросила подождать десять минут. В коридоре было пусто. Один человек сидел на скамье и смотрел в книгу, лежащую на коленях. Я села рядом с ним. Я знала, что с больными лучше всего не разговаривать на посторонние темы, но что-то заставило меня задать ему вопрос.

– Как вас зовут? – спросила я.

Человек не ответил и дальше смотрел в книгу.

– Меня Анной зовут – продолжала я – я буду здесь работать. Я хочу с вами познакомиться, раз нам предстоит сотрудничество.

Человек продолжал молчать.

– Вас тут хорошо кормят? Вам нравится? По-моему, здесь очень уютное местечко. А что вы такое читаете? Можно посмотреть? – я хотела взять книжку, но внезапно человек захлопнул книгу и закричал:

– Да вы что! Совсем что ли? Я вам больной что ли, чтобы так со мной разговаривать? «Хорошо ли вас кормят? Уютное местечко?». Это больница для психов! Я это прекрасно знаю, только не понимаю, почему я здесь. Нечего со мной так разговаривать. Это моя книга и нечего ее трогать!

Я оцепенела и не знала, что мне делать. На крик прибежала старшая медсестра и медбрат.

Медбрат взял больного под руки и повел в палату.

– Как с ребенком разговаривает, издевается надо мной! – не переставал кричать больной.

Старшая медсестра посмотрела на меня с укором.

– Первое правило, которое вы должны были уже давно уяснить – это не разговаривать с пациентом на посторонние темы. Теперь из-за вас куча проблем будет. Как вы собирались здесь практиковаться, если даже элементарным уровнем знаний не владеете?

– Извините, извините меня...я не знаю, что на меня на-
шло...– начала оправдываться я – Этого не повториться.

Но все же это повторилось. На следующий день, после оформления, мне дали указание подшивать документы в карты больных. На пункте регистратуры приемного отделения находилась я и медсестра. Некоторые больные прогуливались по коридору.

– Я отойду минут на пятнадцать, ладно? – спросила медсестра – мой муж заехал, хочет меня повидать. Я тут просто вторую смену уже...– начала она оправдываться.

– Мне не сложно, конечно – ответила я.

– Ой, спасибо. Главный врач сегодня не работает, так что бояться нечего. Я мигом – сказала медсестра и, бросив медицинский халат на стул, побежала к выходу.

Я продолжала подшивать документы.

– Тук, тук. Можно? – спросил чей-то уже знакомый голос.

Я подняла голову и увидела больного, с которым вчера пыталась завести беседу. Я не ответила и продолжала заниматься своим делом.

– Да ладно, бросьте – начал он – вчера я был не в себе, плохое настроение, с кем не бывает. Предлагаю нам начать все с начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.